

ТОМАС ЛИГОТТИ

**ЗАГОВОР ПРОТИВ
РОДА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО**
Замысел ужаса

ТОТЕНБУРГ

МОСКВА 2025

УДК 141
ББК 87.3
Л55

***Все права на книгу находятся под охраной издателей.
Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена
каким-либо способом без согласования с издателями.***

Перевод с английского — Владислав Педдер.

Лиготти, Т.

Л55 Заговор против рода человеческого. Замысел ужаса. — М.: Тотенбург, 2025. — 282 с.

«Заговор против рода человеческого. Замысел ужаса» Томаса Лиготти — бескомпромиссный философско-эссеистический манифест, который ставит под сомнение основополагающее предположение нашего вида: что быть живым — это хорошо. Перевод выполнен Владиславом Педдером — автором книги «Опыт трагического» и переводчиком Петера Весселя Цапффе. Перед ним стояла задача создать лучший, полный перевод второго издания «Заговор против рода человеческого. Замысел ужаса». В издание включено ранее не переведенное предисловие от Лиготти. В книге собран жесткий, ясный и аргументированный корпус мыслей о роковом избытке сознания — прародителя всех ужасов, о бессмысленности бытия и о том, как цивилизационные механизмы поддерживают «заговор» самообмана. Лиготти не прячется за эфемизмами: он вскрывает структуру «Я», показывает ее как продукт эволюции, где мы лишь марионетки, и выдвигает выводы, которые невозможно отрицать. Книга подходит и как введение в современный пессимизм, и как обличительный текст для тех, кто готов пересмотреть самые привычные представления о жизни.

**УДК 141
ББК 87.3**

© Владислав Педдер,
перевод с английского, 2025

© Издательство «Тотенбург», 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ ВЛАДИСЛАВА ПЕДДЕРА.....	5
ВЫРАЖЕНИЕ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТИ	10
ПРЕДИСЛОВИЕ РЭЯ БРАСЪЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ.....	11
ПРЕДИСЛОВИЕ ТОМАСА ЛИГОТТИ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ.....	13
ВВЕДЕНИЕ: О ПЕССИМИЗМЕ И ПАРАДОКСЕ	19
ЗАГОВОР ПРОТИВ РОДА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО: ЗАМЫСЕЛ УЖАСА	
<hr/>	
КОШМАР БЫТИЯ	26
Психогенез	26
До наступления смерти	27
Бодрствующие	31
Работа мозга.....	34
Мутация.....	36
Уничтожение I	38
Зомбификация.....	41
Уничтожение II	46
Самовнушение	53
Космофобия	56
Пессимизм I.....	59
Пессимизм II	63
Просчет.....	69
Аналогии	72
Жизненные принципы.....	76
Уничтожение III.....	82
Подавление.....	88
Страдание I.....	94
Страдание II	96
Экоцид	101
Безнадежность	104
Дискуссионность	108

КТО ИДЕТ?.....	110
Зловещее I	110
Зловещее II	112
Действующие лица	120
Подражание.....	124
Несуществующие	132
Неличности	142
УРОДЦЫ СПАСЕНИЯ	148
Нисхождение	148
Фугурофилия	155
Будданомика	162
Смерть Эго	168
ТОШНИТ ДО СМЕРТИ.....	181
Безысходность I	181
Безысходность II.....	186
Сторонники жизни	188
Танатофобия	191
Трагедия	200
КУЛЬТ УХМЫЛЯЮЩИХСЯ МУЧЕНИКОВ	209
Узаконенный.....	209
Разочарование.....	215
Под давлением	217
ВСКРЫТИЕ МАРИОНЕТКИ:	
АНАТОМИЯ СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОГО	226
Атмосфера.....	226
Тема	238
Персонажи.....	248
Не-персонажи	252
Сверхъестественное	254
Сюжет	262
Конец игры.....	276

ПРЕДИСЛОВИЕ ВЛАДИСЛАВА ПЕДДЕРА

Дорогой читатель, рад представить вам перевод «Заговора против рода человеческого». Позволю себе нескромное утверждение: эта книга — одна из самых значительных проявлений пессимистической мысли со времен Майнлендера и Шопенгауэра. Она произвела ошеломляющий эффект и заметно повлияла на облик современного пессимизма и антинатурализма. Именно Лиготти познакомил многих с норвежским философом Петером Весселем Цапффе, а пример любительского перевода «Заговора» на русский подтолкнул меня к собственным переводческим усилиям. Работа над этим текстом была завершена в середине 2025 года, но путь к ней оказался гораздо длиннее: он включал поиски и переводы трудов Петера Весселя Цапффе.

Философия пессимизма сама по себе непривлекательна, особенно в мрачные, смутные для истории периоды; поэтому ее выживание целиком зависит от последователей, — вы редко встретите ее на полках библиотек, а многие ее темы на практике табуированы в законодательстве далеко не одной страны, пессимистично настроенным авторам приходится прикрывать свои мысли за вуалью нигилизма, лишь бы привлечь к своей работе хоть немного внимания. По этой причине вы вряд ли скоро (если когда-нибудь вообще) увидите перевод книги Сары Перри, вышедшей в 2014 году, предисловие к которой написал Томас Лиготти, — ее имя даже отсутствует в списках книг по философии пессимизма. Ее пессимизм, как и пессимизм Гери «Инмендхэма» Мошера или Уль-

риха Хорстманна, не дает утешения и не притягивает читателя своей прямолинейностью.

Как обычно, выражаю глубочайшую благодарность *revliscap* за энтузиазм, проявленный при создании первого русского перевода этой книги, выполненного в 2018 году. Сказать того же о последующем переводе 2023 года я не могу: он также опирается на первое издание 2011 года и искажает терминологию. Следует отметить, что русскоязычного перевода версии «Заговора» 2006 года, выложенной на форуме *ligotti.net* задолго до выхода официального издания и отличающейся от него, — все еще не существует. Именно из-за проблем предыдущих переводов появилось это издание.

Эта работа — мой перевод второго, *улучшенного* издания Лиготти 2018 года с предисловием автора и с точным сохранением терминологии Цапффе. В процессе работы над переводом «О трагическом» с норвежского я обнаружил, что все существующие русскоязычные варианты «Заговора» неизбежно искажают терминологию Цапффе через перевод с английского посредника. Поэтому я взял на себя задачу сначала перевести непосредственно с норвежского работы Цапффе — «Последний Мессия», «Я выбираю истину» и другие — и лишь затем вернуться к «Заговору против рода человеческого».

Чтобы закрыть любые вопросы относительно переводческих решений, я снабдил это издание многочисленными сносками, раскрывающими каждый выбор перевода и его альтернативы. Но есть в переводе и определенные отличия от оригинала, за что я прошу прощения у читателей трагической традиции, но это была вынужденная необходимость, надеюсь, вы простите меня за некоторое отхождение от оригинала. Отрывки из работ Цапффе я брал из норвежских оригиналов, чтобы передать неповторимый стиль автора и исключить искажения, возникающие при повторном переводе терминов с норвежского

на английский, а затем на русский. Я не мог приступить к переводу «Заговора», пока не отыскал все необходимые фрагменты, используемые в тексте, — в том числе знаменитое интервью Цапффе 1959 года. Эти материалы ранее не публиковались в Сети; сегодня они выпускаются в сборнике «Интервью и критический анализ философии Петера Весселя Цапффе» под моей редакцией и с моими переводами. После переводов Цапффе к концу 2024 году я написал свою работу «Опыт трагического», обсуждая нигилизм и усугубляя пессимизм Цапффе и Лиготти, где ввел понятие «различающего опыта» — фундаментального, непосредственного взаимодействия с действительностью, формирующего всю динамику жизни. В этом потоке важен не столько объем стимулов, сколько возникающие между ними различия, ведь именно они поддерживают опыт: когда сознание перестает фиксировать статистически значимые несоответствия, возникает скука или акедия, лишаящая жизнь насыщенности. Нельзя избежать опыта, а попытка укрыться от него карается акедией или смертью. Даже отчаяние — это форма переживания. Человек обречен на поиск смысла, даже зная о его иллюзорности. Если выразиться метафорой, то опыт — безжалостный и беспристрастный архитектор всего живого. Он не просто мучает существ, он формирует их, прокладывая свои русла в их сознании. А отказ от него — это не избавление, а новое его проявление. Невозможно скрыться от опыта — есть лишь смена его форм, и это и есть величайшая трагедия.

Эта идея, которую я ввел в «Опыт трагического», стала концептуальным каркасом моего подхода к Лиготти, ибо его «роковой избыток сознания» есть не что иное, как поток переживания, разрушающий все утешающие нарративы и выявляющий истинную структуру «самости» как побочного эффекта этого опыта, но моя идея идет

дальше, углубляя и уходя от антропоцентрического рассмотрения трагедии как черты человеческого сознания.

В «Заговоре против рода человеческого» Лиготти выстраивает аргументацию вокруг трех взаимосвязанных тезисов: жесткого детерминизма, отрицания личности, «Я» и метафоры марионетки. Детерминизм у него не абстрактен — это следствие бессмысленности бытия, когда сознание, обладая даром рефлексии, обречено обнаруживать каждый новый диссонанс лишь для того, чтобы убедиться в том, что дар этот злокачественен по своей сути.

Когда Лиготти отрицает «Я», он показывает не просто поток безличных процессов, но алгоритм, где каждая мысль и желание уже заданы, а ощущение автономии — лишь иллюзия, рождаемая в ходе эволюции.

И, наконец, метафора марионетки — квинтэссенция человеческого разума, который может и не осознавал, кто он есть, но точно осознал, кем он не является. Мы действительно подобны марионеткам, движемся не по своей воле, по заранее заданному сценарию причин и следствий.

Пусть это предисловие станет для вас точкой опоры: напоминанием о том, что между вами и страницами книги лежит не просто текст, а многолетний диалог культур и мыслей, где, независимо от места и времени, пессимисты разоблачают замысел ужаса, напоминание, которое необходимо передавать каждому новому поколению, ведь пессимизм — культурный мем, не передающийся по наследству. Настоящий пессимист всегда является последним представителем своего рода, пока остальная часть Земли восклицает: «Быть живым — это хорошо!»

*Посвящается памяти
Петера Весселя Цапffe*

ВЫРАЖЕНИЕ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТИ

Хочу выразить признательность Тиму Джески и Скотту Уэзерби за предоставленные материалы, необходимые при написании этой книги; участникам форума *Thomas Ligotti Online* и его администратору Брайану Эдварду По за участие в обсуждении ранней версии «Заговора против рода человеческого»; Роберту Лиготти за готовность выступать испытуемым, когда мне требовался четкий отклик разума, близкого к моему; и Дженнифер Гарипи за многолетнюю поддержку и пронизательные советы. Кроме того, я не могу не отметить ценные указания и труды С. Т. Джоши, Давида Е. Шульца и Джонатана Пэджетта, а особую благодарность выражаю Николь Ариане Сири за ее талант и опыт, которыми она щедро поделилась на ключевых этапах работы над этой книгой. Наконец я обязан — как и все почитатели философского пессимизма, не знающие датско-норвежского языка (риксмол), — Гисле Р. Тангенесу за переводы и исследования творчества Петера Весселя Цапффе. Ответственность за использование этих ценных материалов полностью лежит на авторе.

ПРЕДИСЛОВИЕ РЭЯ БРАСЬЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

Мы знаем, какой вердикт готовят тем, кто осмелится усомниться в общепринятом убеждении, согласно которому «быть живым — это хорошо», позаимствовав устойчивую фразу из этой книги. Тех, кто сомневается в нормативном оптимизме нашего вида, будут упрекать в неблагодарности, трусости, покровительственно наставлять за поверхностность. Там, где любовью к себе измеряют психическое здоровье, ее отсутствие непременно трактуют как признак бессилья духа. Философия, некогда презиравшая мнения, теряет самообладание, когда предметом спора становится вопрос о том, нормально ли быть живым. А одобрение жизни, надменно украшенное эпитетом «трагическое», оказывается неуязвимым к упрекам в самодовольстве, в то время как его критиков объявляют неблагодарными. «Оптимизм», «пессимизм»: Томас Лиготти оценивает эти дискредитированные слова, снимая с них патину привычности, лишившую их актуальности, и возвращая им часть их былой сути. Оптимист устанавливает курс обмена между радостью и горем, определяя ценность жизни. Пессимист, отказывающийся от принципа обмена и предписания продолжать инвестировать в будущее, даже когда валюта жизни в настоящем обесценена, клеймится как ненадежный инвестор.

«Заговор против рода человеческого» представляет, пожалуй, наиболее последовательный вызов интеллектуальному шантажу, вынуждающему нас быть вечно благодарными за «подарок», которого мы не просили. Быть живым — это не хорошо: эта простая частица «не» воплощает дерзость мысли лучше любой банальности о тра-

гическом благородстве жизни, переполненной страданием, разочарованиями и самообманом. Нет природы, достойной благоговения или воссоединения; нет «я», которое заслуживало бы восшествия на трон капитана собственной судьбы; нет будущего, ради которого стоило бы работать или на которое стоило бы надеяться. Жизнь, по беспощадному приговору Лиготти, — ЗЛОКАЧЕСТВЕННО БЕСПОЛЕЗНА.

Критики наверняка обвинят Лиготти в лицемерии, заявив, что сам факт написания этой книги продиктован жизненными императивами, которые он стремится порицать. Но такое обвинение надуманно: Лиготти открыто признает, что живым невозможно полностью вырваться из тисков жизни. Это признание не уменьшает силу его диагноза, ведь, как знает Лиготти, если жить — значит лгать, то даже говорить правду о лжи жизни будет сублимированной ложью.

Именно эта сублимация оказывается почти единственным приближением к правде, на которое способен бескомпромиссный нигилизм Лиготти. Освобожденный от унижительной покорности общественной полезности, которая сковывает большинство профессиональных философов, Лиготти в своем беспощадном разборе софизмов, придуманных апологетами жизни, доказывает, что он более пронизательный патологоанатом человеческого состояния, чем любой ханжеский филантроп.

ПРЕДИСЛОВИЕ ТОМАСА ЛИГОТТИ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Во избежание любых ложных впечатлений сразу оговорю, что я — автор историй о сверхъестественном ужасе. Строго говоря, «Заговор против рода человеческого» представляет собой более чем незначительное исключение из этой практики. Тем не менее некоторые читатели данной книги могут счесть ее, по сути, принадлежащей к области сверхъестественного, странного, жуткого и тому подобного. Хотя это документальное произведение, его подзаголовок «Замысел ужаса» словно подталкивает к такому выводу. Однако у слов часто бывает два и более значений, и нет ничего необычного в том, что авторы пользуются этим при создании названия своей работы. Стало быть, обозначает ли термин «замысел» (*contrivance*) мой умысел при создании этого тома или отсылает исключительно к его предмету — грандиозному заговору, который я пытаюсь осветить, — так или иначе, семантическая неясность неизбежна.

Ближайшее происхождение «Заговора против рода человеческого» восходит к интервью, которое я дал в 2004 году, но истинное происхождение идеи гораздо более раннее, из моего детства. Ложные воспоминания есть у всех, но я не могу избавиться от убеждения, что это воспоминание истинно. Произошло это, когда мне было девять лет. Я спорил с отцом и матерью из-за какого-то ныне забытого инцидента. Конфликт завершился тем, что я выбежал за дверь нашего дома. Снаружи стояли мои друзья, они заметили мою ярость и спросили, в чем дело. Первые мои слова были оскорбительны по отношению к родителям. «Не стоит так говорить», — сделал мне за-

мечание один из друзей. Я видел, что остальные с ним согласны. «Почему?» — дерзко ответил я. И тогда прозвучал ответ: «Потому что если бы не твои мама и папа, тебя бы не было на свете».

Я задумался над простой логикой этого упрека за мои жесткие слова о родителях. Что-то в ней казалось порочным. Должен ли я благодарить предков за то, что они даровали мне жизнь, словно я был чудовищем Франкенштейна, неодоушевленным конструктором, в которые они вдохнули силу? Разве до их успешных попыток ввести меня в царство живых я был лишь скоплением мертвой материи в ином измерении? Или же они спасли меня, подобно тому, как Иисус Христос умер за мои грехи, — формулировка, которая так и не захватила мое воображение, сколько бы ее ни повторяли в годы моего обучения в католической школе? Учитывая, что смерть занимала важное место в моем религиозном воспитании, подобные мысли естественно приходили в юный ум. То, что после кончины меня ждет рай или ад, было одним из догматов веры, которые я воспринимал всерьез. Но как я мог быть усопшей душой до своего рождения? Мой детский мозг, бегущий от когнитивного диссонанса, не мог принять, что я был так же мертв до жизни, как буду после того, как перестану дышать. Мне казалось нелепым, что смерть — это тиски, сжимающие мою жизнь с обоих концов. И все же я не мог полностью отвергнуть это предположение. Если не среди мертвых, то где же я существовал до того, как родители «спасли» меня? Видимо, в глазах моих приятелей это было настолько ужасное место, что они упрекнули меня за оскорбление моих «творцов».

К счастью, размышления о всей этой проблеме быстро уступили место играм с друзьями. Тем не менее я оставался поглощен неотвратимостью смерти, особенно после того, как уверенность в религиозных доктринах во мне постепенно угасла. Немного позже, разумеется,

я осознал, что мое предсуществование (*preexistent*) было не смертью, а просто небытием (*nonexistence*). Однако вопрос о том, можно ли однозначно установить, было ли это небытие хорошим или плохим, или ни тем, ни другим, был достойным философов и выходящим за пределы моих возможностей.

В позднем подростковом возрасте я начал сомневаться в относительной ценности небытия по сравнению с жизнью, даже если первая альтернатива казалась мне столь же непривлекательной, как и почти любому другому. По крайней мере в теории небытие выглядело предпочтительнее. Более того, это казалось местом, где стоило остаться. Это заметно мрачное мнение, и подобные твердые убеждения порой побуждают людей выражать их словами. Формой выражения, которую я избрал, стало написание историй о сверхъестественном ужасе, которые я начал сочинять в 1970-х. Мудрым решением было уничтожить почти все из литературных опытов моих ученических лет, оставив лишь один рассказ из того десятилетия в рукописном черновике, над которым я работал более десяти лет, прежде чем посчитал его достойным публикации вместе с другими, созданными в 1980-е. Хронологически моим «первым» произведением стал рассказ «Последний пир Арлекина» (*The Last Feast of Harlequin*). Действие происходит в маленьком городке, а сюжет вращается вокруг странного культа, превозносящего небытие и соблюдающего духовный запрет на воспроизводство человеческой жизни. Другие мои рассказы, написанные ранее и позже, основывались на схожих темах, включая «Тень, тьму» (*The Shadow, the Darkness*), где один персонаж упоминает книгу под названием «Исследование заговора против рода человеческого» (*An Investigation into the Conspiracy against the Human Race*). Эта книга, как говорится, «основывается на небытии, на воображаемой природе всего, что мы считаем со-

бой» — идея, которую я развиваю на страницах настоящей работы. Я почти дал тому рассказу название «Заговор против рода человеческого», не подозревая, что годы спустя напишу книгу с таким же именем на схожую тему.

Ничто из сказанного выше не должно создавать впечатления, будто эта книга была некоей судьбой или следовала предначертанному сюжету. В жизни слишком много ложных начинаний и остановок, крушений и обычных сложностей во всех ее главных аспектах, чтобы воспринимать ее как нечто иное, чем «сплошная череда несчастий»¹, как говорится. Все, что я могу утверждать, — это то, что отобранные для этого предисловия события связаны с созданием «Заговора против рода человеческого» и в некоторой степени раскрывают своеобразный темперамент его автора, оставляя читателям полное право судить о нем самостоятельно.

¹ *One damn thing after another* — американская идиома, которая означает «Если случилась одна неприятность, то будут и другие» (аналог русской фразы «беда не приходит одна»). — *Прим. пер.*

**ЗАГОВОР ПРОТИВ
РОДА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО:**
Замысел ужаса

*Посмотри на свое тело —
раскрашенную марионетку,
жалкую игрушку,
Состоящую из сочлененных частей,
готовую вот-вот развалиться,
Больное, страдающее существо,
с головой, полной ложных фантазий.*

— Дхаммапада

ВВЕДЕНИЕ: О ПЕССИМИЗМЕ И ПАРАДОКСЕ

В своем исследовании «Природа зла» (*The Nature of Evil*, 1931) Радослав А. Цанофф приводит лаконичное размышление немецкого философа Юлиуса Банзена, записанное им в 1847 году, когда тому было семнадцать лет. «Человек — это осознающее себя Ничто», — написал Банзен. Можно считать эти слова юношескими или проявлением ранней гениальности, но они принадлежат древней традиции презрения к нашему виду и его устремлениям. Тем не менее господствующие настроения по поводу человеческого начинания обычно лежат где-то между сдержанным одобрением и громогласной хвалёбой. Как правило, тот, кто жаждет публики или хотя бы места в обществе, мог бы воспользоваться следующим девизом: «Если не можешь сказать ничего позитивного о человечестве, скажи что-нибудь двусмысленное».

Вернемся к Банзену. Он вырос и стал философом, который не только не высказывал ничего ни положительного, ни двусмысленного о человечестве, но и пришел к мрачному выводу обо всем существовании. Как и многие, осмелившиеся заняться метафизикой, Банзен заявлял, что вопреки видимости вся реальность есть выражение единой, неизменной силы — космического движения, которое разные философы описывали по-разному. По мнению Банзена, эта сила и ее движение носят чудовищный характер, порождая вселенную беспристрастного зверства и взаимного истребления ее обособленных частей. Более того, «вселенная по Банзену» никогда не имела ни намека на замысел или направление. С самого начала это была пьеса без сюжета и без действующих лиц — лишь фраг-

менты слепого, бесцельного самоуничтожения. В философии Банзена все вовлечено в беспорядочную фантазматическую резню. Все рвет и разрывает все... вечно. И при этом вся эта суэта в пустоте остается незаметной почти для всех участников. В мире природы, скажем, никто не ведает о своей вовлеченности в кровавый пир. Лишь «осознающее себя Ничто» Банзена может постичь происходящее и содрогнуться от толчков хаоса в разгар пира.

Как и всякая пессимистическая философия, интерпретация Банзеном существования как нечто чуждого и ужасного не нашла отклика у осознающих себя Ничто, чьего признания он искал. Хорошо это или плохо, но бескомпромиссный пессимизм лишен массовой привлекательности. В конечном счете, те немногие, кто утруждал себя аргументацией в пользу мрачной оценки жизни, могли бы вовсе не рождаться. Как подтверждает история, люди меняют свое мнение почти обо всем — от того, какого бога почитать, до того, как стричься. Но когда дело касается экзистенциальных суждений, человечество в целом непоколебимо высокого мнения о себе и своем положении в этом мире и твердо уверено, что не является сборищем осознающих себя Ничто.

Следует ли тогда вовсе отказаться от порицания самодовольства нашего вида? Это было бы блестящим решением — правилом номер один для инакомыслящих. Правило номер два: если уж приходится открывать рот — избегай споров.

Деньги и любовь, возможно, и возвращают мир, но препирательства с этим миром не сдвинут его с места, если он того не желает. Как сказал британский писатель и христианский апологет Г. К. Честертон: «Логикой истину можно найти лишь тогда, когда ты уже нашел ис-

тину без нее». Честертон хочет сказать, что логика не имеет отношения к истине, ибо если истину можно найти без нее, то логика излишня в любых поисках истины. Его единственный мотив ввести логику в рассуждение — подразнить тех, для кого она весьма значима в отыскании истины, хотя и не той, что питала моральный дух Честертон как христианина.

Известный парадоксальностью своих убеждений, как в приведенном выше случае, Честертон — равно как и всякий, кто способен высказать о человечестве нечто позитивное или двусмысленное — неизменно выходит победителем в крестовом походе за истину. (Ничего парадоксального в этом нет.) Потому, если ваша истина противоречит истине тех, кто сочиняет или приветствует парадоксы, укрепляющие статус-кво, вам было бы разумнее собрать свои аргументы, порвать их на клочки и выбросить в чужое мусорное ведро.

Впрочем, тщетная полемика обладает своей притягательностью и может служить забавным дополнением к горькой радости извержения гневной желчи, личного идолопоклонничества и безудержного пустословия. Чтобы оправдать столь необузданное применение рационального и иррационального (не то чтобы их вообще можно было разделить), настоящий «замысел ужаса»² укоренен в тезисе философа, чьи тревожные мысли касались участи быть человеком. Но не стоит заранее раскрывать все карты в этом предисловии к уничтожению. Пока достаточно сказать, что упомянутый философ представ-

² *Contrivance of horror* — фраза из подзаголовка книги. *Contrivance* — искусственное устройство/конструкция (от *contrive* — «изобретать», «создавать хитроумным способом»). Варианты перевода: *конструкция ужаса* (акцент на искусственности мироздания), *механизм ужаса* (акцент на механистической бездушности системы), *порождение* или *устройство ужаса*. Я остановился на «замысел ужаса», хотя фраза теряет аспект «собранности» или «механичности», но в духе Лиготти. Кроме того, назвав *contrivance* механизмом, может возникнуть ассоциация с механизмами отвлечения П. В. Цапффе, о чем будет говориться далее. — *Прим. пер.*

лял человеческое существование трагедией, которой могло бы не быть, не случись в наших жизнях единственного катастрофического события: эволюции сознания — родителя всех ужасов. Он также изображал человечество как вид противоречивых существ, чье выживание лишь усугубляет их участь — участь мутантов, воплощающих извращенную логику парадокса. Парадокса реального, а не просто неудачной эпитафии.

Даже беглый обзор темы покажет, что не все парадоксы равны. Некоторые из них — чисто риторические, кажущееся противоречие логике, которое, если им искусно манипулировать, может быть благополучно разрешено в конкретном контексте. Гораздо более интригующими являются те парадоксы, что мучают наши представления о реальности. В литературе сверхъестественного ужаса знакомый сюжет — когда персонаж сталкивается с парадоксом во плоти, так сказать, и либо вступает с ним в схватку, либо гибнет в ужасе перед этой онтологической извращенностью — тем, чего не должно быть, но что все же есть. Самыми известными примерами живого парадокса считается «нежить» — блуждающие трупы, жаждущие вечного присутствия на земле. Но вопрос о том, должно ли их существование длиться вечно или быть прервано ударом кола в сердце, здесь несущественен. Существенно другое — сверхъестественный ужас самой мысли о том, что такие существа могут хотя бы на мгновение существовать вопреки своей невозможности. Другие примеры слияния парадокса и сверхъестественного ужаса — неодушевленные предметы, преступающие через свою природу. Возможно, самым ярким случаем является марионетка, рвущаяся оторваться от своих нитей и ставшая самостоятельно движущейся.

Ненадолго поразмышляем о некоторых особенностях марионеток. Их изготавливают мастера кукол, и оживают они лишь по воле кукловода. Здесь же речь о марионетках, созданных по нашему подобию, хотя никогда не с такой тщательностью, чтобы мы могли принять их за людей. Если бы они были созданы столь искусно, их сходство с нашими мягкими формами стало бы одновременно слишком странным и ужасным — настолько, что никто не решился бы смотреть на них без тревоги. Поскольку пугать людей не входит в задачи продажи марионеток, их не лепят так филигранно, чтобы их приняли за человека, разве что в полумраке сырого подвала или захламленного чердака. Нам нужно видеть в них именно марионеток. Тем не менее они все равно способны нас ужаснуть. Ведь если взглянуть на куклу определенным образом, мы порой можем почувствовать, что она смотрит в ответ — не так, как смотрит человек, но как смотрит марионетка. И даже потребуются совсем немного, чтобы нам почудилось, что она вот-вот оживет. В эти мгновения легкого потрясения в нас вспыхивает психологический конфликт, диссонанс восприятия, который пронизывает наше существо дрожью сверхъестественного ужаса.

Родственным понятию *сверхъестественного ужаса* является «*зловещее*» (жуткое)³. Оба термина уместны при описании нечеловеческих форм, наделенных человеческими свойствами, а также при упоминании кажущихся живыми, но не теми, чем кажутся, как нежить — чудо-

³ Термин *uncanny* в английском языке происходит от немецкого *unheimlich* и буквально означает «неродной», «незнакомый», «не свойственный дому». В классической работе Зигмунда Фрейда *The "Uncanny"* (1919) это слово трактуется как сочетание одновременно притягательного и отталкивающего ощущения — когда нечто знакомое вдруг кажется странным и пугающим. *Зловещий* или *жуткий* передает аспект тревожного предчувствия и надвигающейся угрозы. В контексте сверхъестественного ужаса слово *uncanny* обозначает именно «зловещую чуждость» — нечто одновременно родное и чужое, вызывающее глубокое беспокойство. В русском языке это слово часто встречается в эффекте *зловещей долины* (*uncanny valley*). — Прим. пер.

вищные создания парадокса, вещи, что одновременно не одно и не другое, или, что еще зловещее и ужаснее, вещи, что оказываются сразу двумя сущностями. Существуют ли подлинные проявления сверхъестественного — неизвестно, но они ужасают нас как идея, поскольку мы уверены, что живем в естественном мире, пусть и наполненным резней, но все же только в физическом, а не в метафизическом смысле. Вот почему мы обычно отождествляем сверхъестественное с ужасом. И ожившая марионетка стала бы олицетворением именно такого ужаса, ибо она отрицала бы все концепции естественного физикализма и утверждала метафизику хаоса и кошмара. Она оставалась бы марионеткой, но марионеткой с разумом и волей — человеческой марионеткой, парадоксом, более разрушительным для рассудка, чем нежить. Но сами они так не думали бы. Человеческие марионетки не могли бы вообще вообразить себя марионетками, когда их наполняет сознание, вызывающее непреклонное ощущение своей особой избранности среди всех прочих объектов творения. Стоит лишь начать верить, что ты действуюешь сам по себе — что движения и мысли исходят из тебя самого, — как невозможно допустить, что ты более не хозяин самому себе.

Будучи нашим подобием, марионетки не равны нам в этом мире. Они — актеры в своем собственном спектакле, существующем внутри нашего мира и отражающем его. Что же мы видим в этом отражении? Только то, что хотим увидеть, что можем вынести. Через профилактику самообмана мы прячем то, что не хотим допустить до сознания, словно предадим себя страшной для сознания тайне, слишком ужасной, чтобы ее знать. Наши жизни полны необъяснимых вопросов, на некоторые из которых одни осмеливаются ответить, а остальные проходят мимо. Обнаженные обезьяны или воплощенные ангелы — так мы порой себя представляем, но

не человеческими марионетками. Мы убеждены, что самостоятельны и свободно передвигаемся и говорим, когда заблагорассудится. И кто посмеет усомниться в этом, будет признан сумасшедшим или тем, кто пытается погрузить других в замысел ужаса.

Как всерьез принимать кукловода, перешедшего на другую сторону?

Когда марионетки заканчивают свое представление, они возвращаются в свои коробки. Они не садятся в кресло, не читают книги, их глаза не перекачиваются, как шарик, по словам. Они — лишь предметы, подобно трупам в гробу. Если бы они когда-нибудь ожили, наш мир стал бы парадоксом и ужасом, в котором все было бы неопределенным, вплоть до того, что мы сами — лишь человеческие марионетки.

Весь сверхъестественный ужас вырастает из того, чему мы верим, что должно быть и чего не должно быть. Как свидетельствовали ученые, философы и духовные деятели, наши головы полны иллюзий; вещи, включая человеческие, не являются надежно тем, чем кажутся. Но одно мы знаем наверняка: где граница между естественным и неестественным.

Другое, что мы знаем: природа не совершает столь неуместных ошибок, чтобы позволить вещам, включая человеческие, сбиться на путь сверхъестественного. Если бы она допускала подобные промахи, мы сделали бы все, чтобы похоронить эту мысль. Но нам нет надобности прибегать к таким мерам — мы и так достаточно естественны. Никто не может доказать, что наша жизнь в этом мире — сверхъестественный ужас, и никто не способен внушить нам сомнение в этом. Любой вам это скажет — и прежде всего автор книг, ставящих сверхъестественное, зловещее и ужасающее парадоксальное как неотъемлемую часть нашей природы.